

ОТЗЫВ

Официального оппонента на кандидатскую диссертацию Кривовой Дарьи Анатольевны
«Политика кабинета министров в 1730-1741 гг. в контексте взаимодействия с
центральными органами власти и местными учреждениями на Юго-Востоке Европейской
России»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по
специальности 5.6.1. Отечественная история

Исследование Д.А. Кривовой – пример теоретической смелости, поскольку взаимодействие институтов власти рассматривается в отношении самого сложного в управленческом смысле региона. Отметим, что Юго-Восток в период правления Анны Иоанновны – самая нестабильная в политическом отношении окраина Российской империи. Постановка «Башкирского вопроса» Артемием Вольтером в 1728 г. свидетельствовала об отсутствии у российских властей какого-либо иного его решения кроме физического сокращения инородческого населения в результате войн и пограничных конфликтов. Формальное российское подданство хана Младшего Жуза Абулхаира не привело к деэскалации ситуации в южной части Уфимской провинции. Набеги каракалпаков в конце 20-х годов не могли остановить даже укрепления Закамской линии. Тем не менее, именно в период правления Анны Иоанновны были намечены основные направления интеграции края в административную структуру государства. Более того, Кабинет министров ставил перед собой амбициозные стратегические задачи установления российского влияния в Средней Азии. На Юго-Востоке российская власть не просто поддерживала приемлемое для себя положение дел, но, по формулировке М.Фуко, она переписала заново пространство – картографировала, утвердила границы, разместила форпоста, крепости и гарнизоны. Таким образом, А.Д. Кривова связывает актуальность своего исследования с анализом становления и функционирования государственных учреждений, а также с необходимостью изучения деятельности высшего органа власти периода 1730-х — начала 1740-х гг. и его политики в региональном измерении (Юго-Восток Европейской России). Такая постановка соответствует логике «проблемно-институциональной истории» и актуальна для отечественной историографии в части реконструкции механизмов управления по схеме «центр - периферия».

Отдельно следует отметить корректно заданные: объект, предмет, хронологические (1730–1741 гг.) и территориальные рамки (с акцентом на Юго-Восточный регион).

В работе четко сформулирована цель и развернутый перечень задач, включающий как институциональный уровень (Кабинет, Сенат, коллегии), так и региональную

практику управления (Оренбургская комиссия/экспедиция, оборонительные линии, кризисы и восстания).

В тексте введения заявлена научная новизна как «комплексное изучение» деятельности Кабинета министров во взаимодействии с центральными органами власти и местной администрацией на Юго-Востоке. Также заявлены «впервые» полученные результаты (включая, по смыслу формулировок, типологизацию учреждения в контексте абсолютизма, реконструкцию управленческой стратегии, уточнение роли отдельных органов и лиц). С точки зрения экспертизы новизны для специальности принципиальными являются два вопроса:

– **источниковая новизна** (введение в оборот новых архивных комплексов дел, новые сопоставления источников);

– **интерпретационная новизна** (новые объяснительные модели и выводы по механизму принятия решений, распределению компетенций и эволюции практик управления).

По представленному тексту **заявка на источниковую новизну** обоснована упоминанием работы с корпусом документов центральных и региональных архивов, что потенциально усиливает научную ценность исследования. Д.А. Кривова связывает теоретическую значимость своего исследования с уточнением моделей государственного управления в постпетровский период и методологии анализа «властных практик». Она указывает и на практическую значимость своей работы — использование результатов в учебных курсах по отечественной истории XVIII века, региональной истории, истории государственного управления, а также в подготовке справочных, краеведческих и научно-популярных материалов.

Особой оценки заслуживает методологический раздел диссертации. Д.А. Кривова, наряду с привычными общенаучными и специальными историческими методами, заявляет об использовании подходов «новой политической истории», что предполагает внимание к языку политики, властным практикам и агентности акторов. Сильная сторона такого выбора — возможность уйти от упрощенных схем («ярлыковых» интерпретаций эпохи) и анализировать институты управления как сложные конфигурации формальных норм и неформальных механизмов. Наиболее сильной стороной введения диссертации Д.А. Кривовой является источниковедческий раздел. Автор описывает источниковую базу как включающую законодательные документы, делопроизводственные материалы и источники личного происхождения; отдельно отмечены фонды центральных и региональных архивов, а также опубликованные комплексы документов. Это позволяет определить репрезентативность круга источников: достаточность и сбалансированность

документов по каждому блоку задач. Кроме того, видовое разнообразие источников дает возможность верифицировать сведения источников по нескольким видам и убедиться в том, подтверждаются ли ключевые выводы сопоставлением разных видов источников. Например, делопроизводство — законодательство — мемуары.

Д.А. Кривова обоснованно развела два поля литературы – исследования по институциональной истории центральных органов XVIII века и региональную историографию Юго-Востока.

В первой главе автор исследует место Кабинета министров в системе государственного управления в историографии. Необходимо отметить четкую выстроенную историографическую проблематику. Д.А. Кривова убедительно и корректно сопоставляет исторические аналоги такой структуры как «Кабинет министров» Анны Иоанновны. Автор критикует практику автоматического сопоставления государственных институтов только по названию «кабинет». Такой подход представляется логичным, поскольку автор уклоняется от поисков формального сходства в сторону функционального анализа институтов власти. Вполне продуктивным является диалог автора с позицией Е.Н. Савельевой. Таким образом, Д.А. Кривова производит деконструкцию устоявшихся в историографии концепций понятия «Кабинет министров».

Особого внимания заслуживает сравнение Кабинета министров Анны Иоанновны с Верховным тайным советом. При этом, различия показаны по нескольким ключевым параметрам: нормативная регламентация, делопроизводственные практики, уровень публичности и открытости, состав. Наиболее интересным представляется замечание автора, что если бы не сохранились журналы, то мы бы не могли конкретно описать роль Кабинета в управлении страной. Фактически поднимается проблема, о которой писал М.Фуко – как власть скрывает свои механизмы управления.

Вполне аргументирован основной вывод главы: Кабинет министров — не уникальный институт, а часть общеевропейской эволюции органов при монархе. Аналитический характер дискурса усиливается введением в работу концепции государства М.Вебера. Таким образом, автор устанавливает связь между появлением Кабинета министров и формированием современного государства. Отметим и хорошую источниковую базу главы. Автор опирается на журналы Кабинета, указы, дипломатическую переписку, проекты Остермана и Волынского. Интересно показано соперничество элит, роль отдельных персон (Остерман), что выводит повествование из исключительно институционального дискурса в пространство социально-политическое.

Вторая глава анализирует взаимодействие Кабинета с Сенатом и центральными органами власти. Отметим высокий уровень фактического материала, подтверждающего

выводы автора. Д.А. Кривова приводит именные указы, сенатские журналы, рапорты; привлекает свидетельства современников (например, дипломат Лефорт), опирается на историографию (Бабич, Петрухинцев, Фаизов и др.).

Д.А. Кривова не ограничивается описанием формальных полномочий органов власти, но показывает механизм прохождения решений, делопроизводственную практику взаимоотношений между Кабинетом, Сенатом и коллегиями. Фактически автор выходит за рамки институциональных полномочий органов власти, показывая эволюцию практик управления.

Важно указать, что автор рассматривает взаимоотношения Сената и Кабинета на фоне трансформации самих структур. К примеру, Д.А. Кривова отмечает усиление власти Кабинета, которое меняет и место Сената в системе управления. Автор выявляет серьезные проблемы в практике управления. По мнению Д.А. Кривовой самым существенным недостатком является несоответствие между амбициями реформ и возможностями административного аппарата.

В тексте есть очень интересные замечания автора относительно «двойной игры» Остермана и фактической «сети управления», что сближает позицию автора с концепцией власти М.Фуко.

Третья глава диссертации характеризует деятельность Кабинета министров на Юго-Востоке в 30-е гг. XVIII в. Автор демонстрирует плотность эмпирической базы, что, безусловно, усиливает научную ценность работы. Третья глава является наиболее важной частью диссертации, поскольку именно здесь автор переходит от институционального исследования к изучению практики управления. Отметим и попытку теоретизирования в духе концепции паноптикона М. Фуко. Автор указывает, что политика властей по отношению к башкирским восстаниям этого периода демонстрирует противоречивость, обусловленную отсутствием четкой стратегии в данном вопросе. Автор отмечает и разброс мнений в историографии башкирских восстаний. До сего времени нет однозначной оценки и проекта Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова. Хорошо показана трансформация стратегии власти в условиях разрастающегося восстания. Удачно выделен ключевой тезис: переход от экспансионистских и экономических проектов к политике стабилизации отказ от «индийского проекта» Кирилова, усиление военного и административного контроля, акцент на управлении и интеграции региона. Многопланово и детально описана деятельность Татищева. Он показан не только как администратор, но как один из ключевых реформаторов управления региона, критик И.К. Кирилова и наиболее достоверный источник для центра. В работе убедительно доказан тезис о том, что курс Татищева в отношении башкир был наиболее реалистическим и продуманным.

Именно с Татищевым связывается переход от репрессий к гибкой политике. Татищев выступает за активное использование местных элит (доброжелательных старшин). Главой его задачей становится стратегия недопущения объединения местных народов против России.

В 3 главе наиболее ценным является утверждение о том, что в ходе подавления восстаний происходит смещение центра принятия решений в сторону Кабинета, формируется зависимость Сената от резолюций министров, происходит формализация его роли. Это уже уровень обобщения, а не просто описания событий.

Глава является сильной по фактической базе и убедительной по основному тезису. Она может стать полноценным исследованием уровня современной историографии. Чётко показана преемственность политики от Татищева к Урусову. Урусов реализует программу, разработанную ранее. Это позволяет сделать вывод о том, что стратегическое мышление формируется при Татищеве, а реализуется уже при более «исполнительной» фигуре Урусова. Именно в ходе подавления восстания Карасакала замечен полный контроль Кабинета над Сенатом, приоритет его резолюций, вмешательство в ключевые вопросы. К примеру, требование Сенату ждать решения Кабинета по делу Карасакала свидетельствует о полной зависимости Сената. Д.А. Кривова показывает, как осуществлялась политика «управления через баланс сил». К примеру, отношения с казахами строятся через не прямые методы – присяги и переговоры. Более жестко и непосредственно осуществляется контроль над калмыками. Особенно важным представляется детальный разбор башкирского восстания 1739–1740 гг. Автор считает, что восстание Карасакала – не локальный эпизод, а системный кризис управления регионом.

Автор доказывает, что после «дела Татищева» Кабинет сознательно выбирает более управляемые фигуры. В конце главы формулируется вывод: усиление власти Кабинета приводит к политике сочетания осторожности и жесткости. В этом период происходит переход к устойчивой модели управления регионом.

Заключение диссертации отражает все концептуальные выводы работы.

Однако возникают определенные вопросы.

В отношении источниковедческого анализа. Хотелось бы уточнить: какие именно комплексы документов введены впервые, в какой мере они критически обработаны?

В вопросе о методологии исследования было бы уместно, если бы автор продемонстрировал, как именно концепция власти М.Фуко применяется в диссертации? Идет ли речь о сетевых практиках, микрофизике власти, знании-власти? Как конкретно этот метод сопрягается с политикой государства на Юго-Востоке?

В историографическом обзоре, несмотря на широкий круг изученной литературы, автору, в большинстве случаев, не удалось избежать пересказа содержания работ. Здесь не мешало усилить аналитический дискурс и указать на исследования, которые дают разные ответы на ключевые вопросы диссертации. Важно было показать, где именно диссертация «входит» в дискуссию и что меняет. Анализ дореволюционной литературы фактически сведен к характеристике Кабинета министров, но управленческая деятельность на Юго-Востоке не анализируется.

Первая глава диссертации заявлена как историографическая. Но позиции историков мало представлены. Вместо этого автор излагает свое видение проблемы. Следовало бы выделить школы и подходы в исследовании проблемы, рассмотреть литературу по принятым в науке хронологическим этапам.

Есть вопрос и по существу изложения. Автор указывает, что Кабинет стал важным органом, но нигде конкретно не разбирается вопрос, в чем его принципиальная новизна? Это шаг по пути бюрократии или движение от нее?

Есть определенные вопросы и ко второй главе. Пространственный рассказ о штатном расписании не завершается выводом об управленческом кризисе. Глава явно нуждается в классификации типов взаимодействия между Кабинетом, Сенатом и коллегиями. Здесь уместны были бы схемы, указывающие на формы этого взаимодействия. Отметим и перегруженность главы деталями, которые не работают на заявленный аргумент. К примеру, списки сенаторов или чиновников можно сократить без потери смысла.

Определенные проблемы возникают и в оценке причинно-следственных связей. К примеру, автор неоднократно указывает на финансовый хаос в системе управления. Однако по тексту не совсем ясно, чем он обусловлен: наследием приказной системы или институциональным конфликтом?

В начале третьей главы заявлена цель — показать эффективность Кабинета на местах, но нет четкого критерия эффективности. Кроме того, упоминание концепции М. Фуко выглядит как дань уваженич, но не как полноценный методологический инструмент. В данном случае идея власти-надзора должна отразиться в выводах главы. Есть вопросы и к анализу деятельности Татищева. Насколько его политика была действительно новой? Где границы его самостоятельности? Он агент Кабинета или автономный актер? Не лишним было бы сопоставление с другими регионами империи. В таком случае уникальность политики на Юго-Востоке была бы раскрыта более детально. В главе фиксируется важный момент: переход к жесткой линии подавления. Но он не развивается теоретически. Можно было бы осмыслить как смену модели управления (от «интеграции» к «репрессии»), кризис «мягкой силы». Не раскрыта тема о том, как внешняя политика

влияет на управление регионом. В тексте лишь упомянуто, что Карасакал, по мнению властей, был турецким шпионом.

Однако данные вопросы и замечания ни в коем случае не снижают высокого научного уровня работы и не влияют на ее положительную оценку. Содержание диссертации оставляет впечатление цельного исследования, имеющего перспективы в теоретическом и практическом аспектах.

Диссертация Кривовой Дарьи Анатольевны «Политика кабинета министров в 1730-1741 гг. в контексте взаимодействия с центральными органами власти и местными учреждениями на Юго-Востоке Европейской России» является самостоятельным и завершенным научным исследованием. Она соответствует паспорту специальности 5.6.1. «Отечественная история» (исторические науки) и отвечает требованиям пунктов 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством РФ от 24.09.2013 г. № 842 (ред. от 16.10.2024 г.), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Дарья Анатольевна Кривова заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент

доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», кафедра истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии, профессор _____ Б.А. Азнабаев

Подпись удостоверяю: Ученый секретарь Ученого совета университета Ефименко Наталья Вячеславовна _____

14 апреля 2026 г.

Сведения об официальном оппоненте:

Азнабаев Булат Ахмерович

Доктор исторических наук,

специальность 5.6.1.Отечественная история

Место работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий».

Должность: профессор кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии.

Адрес: Уфа, с. Нагаево, 450900, ул. А. Саиди, д. 31.

Телефон: 89173706144 Mail: azbulatt@mail.ru